

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ ПРОРОКА В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В настоящее время в горских дагестанских языках почти вся религиозная и культовая терминология является «арабо-мусульманской». Это вполне понятно, так как начиная с VII в. ислам проникал в Дагестан, а в X—XV вв. окончательно утвердился среди народов Дагестана¹. В связи с этим в дагестанские языки вошло большое количество арабизмов, а также фарсизмов и тюркизмов, связанных с религиозными и культовыми понятиями. Во всех дагестанских языках (за исключением удинского, носители которого были христианами) представлены в соответствующем для каждого из них оформлении проникшие вместе с исламом термины: *allah* 'бог', *du'ā* 'молитва', *masğid* (авар. *tažgit*, дарг. *tižit*, лакск. *mizit*) 'мечеть', *din* 'религия', *qur'ān* 'Коран', *ma-lā'iķ* 'ангел', *hağg* 'паломничество' и др. Реалии, связанные с другими религиями, также часто передаются заимствованными из этих же языков словами: *kašiš* 'священник' (< перс. *kešiš*), *kilisa* 'церковь' (< перс.-турец. *kelisa* < греч. ἁγιαστία), *tažusi* 'огнепоклонник' (< араб. *taḡūsī* < арам < др.-перс. *maguš*²), *putparas* 'идолопоклонник' (< перс. *bot-päräst*) и др.

Однако в общей массе религиозных и культовых терминов дагестанских языков выделяется несколько, по происхождению не являющихся «арабо-мусульманскими»:

авар. *qanč*, дарг. *qqanč*, лакск. *qqanč* (в выражении *qqanč ban* 'перекреститься') 'крест'; данный термин, видимо, проник еще в древности непосредственно из армянского языка в связи с распространением христианства в Кавказской Албании и Дагестане;

авар. *kak*, лакск. *čak* 'намаз';

авар. *awarag*, дарг. *idbag*, лакск. *idaws* 'пророк'.

Последние два слова являются, несомненно, домусульманскими и перенесены в новую религию.

¹ А. Р. Шихсадиев. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, стр. 216—219.

² Г. В. Церетели. Арабско-грузинский словарь. Тбилиси, 1951, стр. 238.

При изучении истории религиозной терминологии дагестанских языков большой интерес вызывает название пророка. Для передачи понятия 'пророк', 'посланник божий' в дагестанских языках употребляются различные названия. В южнодагестанских языках (лезгинском, табасаранском, агульском, будухском, крызском...) распространено персидское по происхождению *rej'atbar* (букв. 'вестник', 'посланник'). Это же название изредка употребительно и в других дагестанских языках, а в лакском оно используется в значении 'наивный', 'простодушный', 'честный человек'.

В большинстве дагестанских горских языков (в аварском, андийских, цезских, даргинском, лакском, арчинском, цахурском) в качестве обозначений пророка употребляются следующие термины:

авар., анд., цезск. *awarag*,
дарг. (акуш.-леваш. и урах. диал.) *idbag*,
дарг. (кубач. диал.) *ibadag* // *idabag*
дарг. (цудах. и хайдак. диал.) *iwarak*,
арчин. *idbag-(ttu)*,
цахур. *idāg*,
лакск. *idaws* (*idows*).

До настоящего времени эти названия в этимологическом плане в специальной литературе не рассматривались. Правда, лакск. *idaws* С. М. Хайдаков рассматривает как заимствование из арабского языка³, но в арабском такого слова или близкого, к которому его можно было бы возвести, нет. В своем «Аварско-русском словаре» Л. И. Жирков авар. *awarag* 'пророк' соотносит со словом *aparag* 'пришелец' и приписывает это значение и форме *awarag*, для него обе формы являются как бы этимологическими дублетами⁴. Но для этого не видно оснований. Наша проверка у авароведов, в частности у известного исследователя аварского языка М. С. Сайдова, показала, что слово *awarag* в аварском имеет только значение 'пророк' и не употребляется в значении 'пришелец'. Соотнесению Л. И. Жирковым этих слов способствовала, видимо, народная этимология, по которой *awarag* возводилось к *aparag*, т. е. 'скиталец, пришелец' > 'пророк'. Однако такая увязка встречает ряд препятствий: необъясним на аварской почве переход *p* > *w*; семантическое развитие 'пришелец, скиталец' > 'пророк' не убедительно. К тому же этим сближением авар. *awarag* отрывается от остальных дагестанских названий пророка, которые следует рассматривать в одном ряду, и увязывается с распространенным во многих дагестанских языках *aparag* 'пришелец', 'скиталец', 'чужак'. Данное же слово В. И. Абаев соотносит

³ С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 55.

⁴ Л. И. Жирков. Аварско-русский словарь. М., 1936, стр. 14, 16.

с «кавказским» словом *abrag* (*abreg*) 'абрек' и возводит к ср.-перс. *aparak, *apartan* 'грабить'⁵.

Для историко-этимологического анализа названий пророка в дагестанских языках необходим лингвистический анализ указанных выше названий на уровне каждого языка в отдельности.

1. Представленные в даргинских диалектах варианты данного названия могут быть возведены, при учете характерных для этих диалектов звуковых процессов, к одной величине.

В кубачинском диалекте представлены две формы: *idabag* и *ibadag*. Последняя — метатезированная, а исходной является *idabag* (ср. формы других диалектов).

В урахинском и левашинско-акушинском диалектах форма получена в результате редукции краткого *a* второго от начала слова, ср. кубач. *idabag*, цудах. *iwarak*, т. е. *idbag* < *idabag.

Цудахарско-хайдакская форма *iwarak* получена в результате фонетических изменений из *idabag. В цудахарском диалекте ауслаутное *g* оглушается и переходит в *k* (*deg* > *dek* 'обмолачиваемые снопы', '*arčimag* > '*určimak* 'кнут')⁶. Объяснимо и наличие в инлауте звука *w*: в хайдакском диалекте смычный *w* соответствует смычно-взрывному *b* остальных диалектов. Интервокальный *r* получен из *d*. Правда, такой процесс для даргинских диалектов не характерен, но спорадически встречается во многих дагестанских языках. Видимо, вначале произошла метатеза, а затем *d* перешло в *r*: *idabag > *ibadag > *iwarak*. Это позволяет утверждать, что и для *iwarak* исходной является *idabag. Для даргинских диалектных вариантов названия пророка эта форма может быть признана исходной. Однако ряд обстоятельств позволяет допустить в качестве этимона и форму *idawag*. Это связано с характером звука *b* в даргинских диалектах. В урахинском диалекте, который был изучен в свое время П. К. Усларом, звук *b* является билабиальным звонким размычным⁷. По поводу этого звука П. К. Услар писал, что этот звук «служит переходом от нашего *b* к нашему *v*. Прислушиваясь к произношению туземцев, мы явственно слышим то *v*, то *b*, но даже в одном и том же слове один звук беспрестанно заменяет другой». Поэтому в качестве этимона для даргинских форм названий пророка можно допустить наряду с *idabag и *idawag, а первичность той или иной формы может быть выяснена при учете данных других дагестанских языков.

⁵ А б а е в I, стр. 25, 26; см. также: М. К. А н д р о н и к а ш в и л и. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1966, стр. 76 (на груз. яз.).

⁶ Ш. Г. Г а п р и н д а ш в и л и. Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка. «Языки Дагестана» I, Махачкала, 1948, стр. 129.

⁷ Ш. Г. Г а п р и н д а ш в и л и. Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966, стр. 292.

⁸ П. К. У сл а р. Хюркилипский язык. Тифлис, 1892, стр. 8—9.

2. В арчинском *idbag-ttu* выделяется словообразовательный суффикс *-ttu*, образующий имена лиц, деятеля⁹. Основа *idbag* может быть возведена к *idabag. Наращение к последней словообразовательного суффикса *-ttu* вызвало редукцию краткого *a* в предпоследнем слоге: *idabag-ttu > *idbag-ttu*.

3. В цахурском *idāg* гласный *ā* долгий. В этом языке долгие гласные вторичного происхождения и получены, как правило, в результате фонетических изменений¹⁰. Долгий *ā* в цахурском может быть получен в результате стяжения комплекса *awa*, например *āhas* < *awahas 'бросать', *xā* < *xawa 'дома' (местн. п.)¹¹. Это позволяет реконструировать в качестве исходной для *idāg* форму *idawag.

4. В аварском, андийских, цезских языках распространена форма *awarag* 'пророк'. Имея в виду широкое распространение аварского языка среди андийских и цезских народностей еще с давних времен, его исключительную роль как языка межплеменного общения у них и его влияние на их языки, можно предположить, что в *awarag* содержится в первую очередь фонетические особенности, характерные именно для аварского языка.

В названии *awarag* выявляется ряд звуковых процессов, характерных для аварского и отчасти для андийских языков. Анлаутное *a* может быть получено из *i* в результате регressiveвой дистанционной ассимиляции. В аварском языке «под влиянием гласных *a*, *e*, *o*, *u* последующих слогов гласный *i* предыдущих слогов переходит соответственно в *a*, *e*, *o*, *u*, причем переходы *i* > *a* и *i* > *o* осуществляются регулярно»¹². Поэтому ничто не препятствует возведению *awarag* к *iwarag. Звукоперевод *d* > *r* для аварского и андийских языков — явление нередкое, причем в ряде говоров одного из андийских языков, а именно багвалинского, такой переход носит регулярный характер¹³. Ср. также авар. *xarangi* 'название дерева твердой породы, из которого изготавливали стрелы'¹⁴, которое восходит к перс. *xädäng* 'белый тополь' (*Populus alba*), из которого выделяли стрелы; метонимически 'стрела'¹⁵. Сказанное позволяет возвести форму *iwarag

⁹ С. М. Хайдаков. Арчинский язык. — «Языки народов СССР», т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, стр. 613; К. Ш. Микаилов. Арчинский язык. Махачкала, 1967, стр. 64—65.

¹⁰ Е. Ф. Джейранишвили. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского языков. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1966, стр. 11.

¹¹ Г. Х. Ибрагимов. Фонетика цахурского языка. Махачкала, 1968, стр. 34.

¹² Я. Г. Сuleymanov. О явлении обратного сингармонизма в аварском языке. — ВЯ 1960, стр. 94.

¹³ Т. Е. Гудава. Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964, стр. 43, 44.

¹⁴ М. С. Saidov. Аварско-русский словарь. М., 1967, стр. 511.

¹⁵ М. А. Гаффаров. Персидско-русский словарь, ч. 1. М., 1914, стр. 284.

к **iwadag*. Учет же данных других дагестанских языков говорит о том, что в аварской форме произошла дистантная метатеза, т. е. **iwadag* < **idawag*. Итак, этимоном для авар. *awarag* является **idawag*.

5. Лакское *idaws*, в отличие от рассмотренных выше названий, возводимых к общему этимону **idawag* (*idabag*), стоит особняком. Однако у лакской формы *idaws*, состоящей из пяти фонем, первые четыре звука (*idaw-*) совпадают с началом общего этимона остальных дагестанских названий пророка. Чем это объяснить? Случайное ли это совпадение? Здесь можно предложить несколько объяснений: 1) совпадение может быть случайным; 2) лакская форма, может быть, возникла в результате контаминации *idawag* с каким-то неизвестным словом, оставившим рефлекс в виде *s*; 3) лакск. *idaws* также восходит в конечном счете к этому идентичному дагестанским формам, и ауслаутное *s* следует объяснить как результат ряда фонетических и морфологических преобразований.

На наш взгляд, нет оснований отрывать лакск. *idaws* от остальных дагестанских форм, а большое отличие ауслаута может быть объяснено удовлетворительно. Отметим, что отсутствие гласного после *w* может быть объяснено редукцией: *idaws* < **idawa(s)*. Для объяснения трансформации ауслаутного *g* в *s* следует учесть ряд морфологических и фонетических особенностей лакского языка. При словоизменении (образовании косвенной, так называемой «второй» основы) у названия *idaws* между основой именительного падежа (прямая основа) и падежными флексиями появляется гласный *i*: род. п. *idaws-i-l*, дат. п. *idaws-i-n*. Велярный согласный *g* перед гласными *a* и *i* в лакском языке подвергается палатализации и переходит в *ž*¹⁶: *irza* 'ряд', 'очередь' < *irga* (ср. род. п. *irglu-l*); *balzan* 'обеспечить' < **balgan* (ср. многократ. *balglan*). Поэтому косвенная («вторая») основа от **idawg* могла выступать в виде **idawž* (-*i-l*). Отметим, что в лакском встречаются случаи вытеснения прямой основы косвенной основой, например *adamina-l* (род. п. от *adam* (араб.) 'человек'), *adamina*, *adimina* 'человек, мужчина'. Этому в определенной мере могла способствовать, кроме стремления языка к унификации двух вариантов основы одной лексемы, и широкая частотность «второй» основы. В лакском языке род. падеж («вторая» основа) выполняет много функций: 1) эргативного падежа (субъекта при переходных глаголах); 2) собственно род. падежа; 3) определения (прилагательного). Частотность употребления основы **idawž* была, конечно, намного больше частотности **idawg*. С течением времени **idawž*, вытеснив **idawg*, стала употребляться в качестве прямой основы. Дальнейшее развитие, видимо, было связано с оглушением

¹⁶ В. Гигинейшили. Вопросы консонантизма лакского языка.—«Тр. Тбилисского гос. ун-та», 96. Тбилиси, 1933, стр. 44 (на груз. яз.); Он же. Консонантизм лакского языка. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1963, стр. 6.

ауслаутного *ž* и переходом его в *š* (в лакском звонкие часто в ауслауте переходят в глухие, например *mužallat* 'переплет' < араб. *muğallad* 'том; книга'; *čagurt* 'подмастерье' < перс. *šagerd*).

Переход формы **idawš* в *idaws* также находит удовлетворительное объяснение. В истории лакского языка отмечены случаи перехода *š* в *s*¹⁷, а между диалектами наблюдается звукосоответствие *š:s*. В кумухском диалекте форма **idawš* могла подвергнуться «гиперурбанизации» и употребляться как «правильная» (с *s*) в отличие от диалектной (с *š*). В свете сказанного процесс образования лакск. *idaws* имеет следующий вид: **idawag* > **idawg* > **idawž* > *idawš* > *idaws*.

Отмеченные выше фономорфологические особенности лакского языка позволяют не отрывать лакскую форму от остальных дагестанских форм и рассматривать все названия в одном ряду.

Для наглядности варианты названия пророка в дагестанских языках и произошедшие в них изменения можно отобразить в следующем виде:

- 1.0. *awarag* < **iwarag* < **iwadag* < **idawag*;
- 2.1. *idbag* < **idabag*;
- 2.2. *idabag* // *ibadag* < ***idabag*;
- 2.3. *iwarak* < **irawag* < **idawag*;
- 3.0. *idbag-(ttu)* < **idabag-(ttu)* < **idabag*;
- 4.0. *idāg* < **idawag*;
- 5.0. *idaws* < **idawš* < **idawž* < **idawg* < **idawag*.

Исходными для всех вариантов названий являются формы **idawag* и **idabag*, однако ничто не мешает возведению обеих к одному этимону, а именно к **idawag*, так как в большинстве случаев реконструируется последняя, а **idabag* в даргинских диалектах и в арчинском могут восходить к **idawag*.

Резюмируя сказанное выше, мы принимаем, что этимоном для всех указанных вариантов названий пророка в дагестанских языках является **idawag*. Данная лексема не связана ни с арабским, ни с персидским, ни с тюркскими языками, из которых идет религиозная терминология дагестанских языков, и не связана с распространением ислама. Этот термин существовал в дагестанских языках, несомненно, еще в доисламскую эпоху и был впоследствии перенесен на пророков, признаваемых мусульманской религией — Мухаммеда, Иисуса, Моисея и др.

Важно отметить также, что этот термин был распространен во всех группах дагестанских языков: аварско-андо-цеэской, даргинской, лакской, лезгинской — и говорит об общности религиозных взглядов и исторических судеб всех дагестанских народов еще в домусульманскую эпоху. В дагестанских языках этот термин появился в одно и то же время и по-разному адапти-

¹⁷ Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 66.

роялся в различных языках. К тому же он не заимствован из одного дагестанского языка в другой (за исключением, может быть, аварской формы для андийских и цезских языков), например авар. *awarag* не может дать лакск. *idaws*, а лакск. *idaws* не может дать дарг. *idabag* и *iwarak*.

Хотя **idawag* является одним из древнейших религиозных терминов в дагестанских языках, он не находит объяснения на собственной языковой почве, так как его фонетическая модель не характерна для структуры слова в этих языках. Термин, несомненно, иноязычного происхождения и проник в дагестанские языки еще в доисламскую эпоху в связи с распространением среди дагестанцев определенных религиозных воззрений, возникших, по всей видимости, не на местной, дагестанской, почве.

Связи этого термина ведут к скифо-сармато-аланскому языковому миру, и этимон дагестанских названий пророка безупречно отвечает и в фонетическом, и в семантическом отношении современному осет. *dawæg* < **idawæg*, причем последняя — староосетинская (resp. аланская) форма, сохранившаяся в дигорском диалекте¹⁸, который является более архаичным¹⁹. Значение слова в осетинском языке В. И. Абаев объясняет следующим образом: «божество, в дохристианский период общее наименование небесных сил; в христианскую эпоху перенесено на христианских святых»²⁰. В. И. Абаев дает данному слову иранскую этимологию, возводя его к **vi-tāva-ka*, от *tava* ‘сила’; букв. ‘(небесные) силы’. Иранскую этимологию предлагает и Э. Бенвенист, но возводит осет. *dawæg* (*idawæg*) к ** vi-dāva-ka*, которое истолковывается при помощи авест. *dav* ‘удаляться’²¹. Э. Бенвенист подчеркивает также, что этот термин не имеет соответствия в других иранских языках и должен относиться к древнему фонду словаря.

Прослеживая связи осет. *dawæg* (*idawæg*) в других языках, В. И. Абаев предполагает связь древнерусского (коми) *ideg* ‘ангел’, ‘апостол’ и даргинского *idbag* ‘пророк’ с указанным осетинским словом. Таким образом, возможная связь дарг. *idbag* (и соответственно и остальных дагестанских вариантов этого названия) с осетинским языком впервые была отмечена В. И. Абаевым²².

Имея в виду отсутствие данного слова в других иранских языках²³ и исключая тем самым возможность его проникновения

¹⁸ А ба е в I, стр. 348—349.

¹⁹ А ба е в ОЯФ, стр. 362.

²⁰ А ба е в I, стр. 348—349.

²¹ Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М., 1965, стр. 141—142.

²² А ба е в I, стр. 349.

²³ Имеет ли отношение к *idawæg* отмеченное в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969, стр. 203, 572) *idägä* (в сочетании *idäga tojän*) имя собственное и звание; *tojän* (< кит.) ‘буддийский монах’? Слово зафиксировано в сутре «Золо-

из остальных иранских языков, например из персидского, а также учитывая исконный характер термина в самом осетинском, можно говорить о том, что он проник в языки народов Дагестана еще в доисламскую эпоху — до VII в. н. э. непосредственно из сармато-аланского языкового мира. Хотя в настоящее время между осетинским и дагестанскими языками отсутствуют ареальные контакты (а этого термина или его следов нет и в нахских языках, занимающих промежуточный между Осетией и Дагестаном ареал), это обстоятельство не является препятствием к возведению дагестанского **idawag* к осетинскому (аланскому) *idawəg*.

Во-первых, в фонетическом отношении имеем полное соответствие: подача осет. *æ* в дагестанских через *a* находит подтверждение в ряде примеров (осет. *laɣ* ‘человек’, ‘мужчина’ ~ авар., анд., дарг., лакск. *laγ* ‘раб’; осет. *ændon* <*handāna*²⁴ ‘сталь’ ~ дарг. *šandan*, лакск. *čannan* <*čandan*, авар. *čaran* то же).

Во-вторых, и в семантическом отношении также имеем почти полное совпадение. Термин **idawag*, если он распространялся в связи с проникновением христианства с севера — при посредстве алан (союзников Византии), мог употребляться в дагестанских языках в значении ‘апостол’ или ‘христианский святой’. Если это так, то вполне вероятна передача им при распространении ислама среди дагестанцев значения арабского слова *rasūl* (например, в главнейшей формуле ислама *lā 'ilaha 'illa-l-lāhu wa mi-hatmadūn rasūlu-l-lahi* ‘нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник (пророк божий)’. Этому могло способствовать то обстоятельство, что в арабском слово *rasūl* имело и значение ‘посланник (пророк)’, и значение ‘апостол’²⁵. Предположив возможность употребления в дагестанских языках в доисламскую эпоху аланского по происхождению термина **idawag* в значении ‘апостол’ и ‘христианский святой’, мы этим допускаем и возможность проникновения христианства в древний Дагестан и с севера и северо-запада при посредстве алан, а не только из Грузии и Армении, как до сих пор принято считать в литературе. Ряд ученых придерживаются мнения о проникновении христианства к горцам Северо-Восточного Кавказа, в частности к ближайшим соседям дагестанцев — чеченцам и ингушам, и через адыгов и предков осетин, а не только из Грузии, еще до IX—X вв.²⁶

той блеск», переведенной предположительно в X в. на уйгурский язык с китайского.

²⁴ В. И. Абасов. Об иранских названиях стали. — «Иранский сборник». М., 1963, стр. 206.

²⁵ Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1957, стр. 374.

²⁶ А. И. Шамилев. К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей. — «Изв. Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы», III, 1. История. Грозный, 1963, стр. 88, 89, 96.

Что же касается культурно-исторического фона, обусловившего заимствование аланского религиозного термина дагестанскими языками, то он вытекает из интенсивных политических, экономических и других связей между дагестанскими народами и североиранскими степными племенами (скифы, сарматы, аланы) начиная с VII—VI вв. до н. э. — эпохи появления этих племен на территории Северного Кавказа. Вопрос о взаимоотношениях североиранских племен с народами Северного Кавказа, о влиянии культуры этих племен на культуру северокавказских народов широко освещается в работах историков, в частности археологов²⁷. Свои выводы они делают на основе археологических исследований, но почти не привлекают при этом лингвистический материал. Об этом, конечно, надо пожалеть, так как, по широко известным словам Я. Гrimма, существует более живое свидетельство о народах, чем кости, оружие и могилы, — их язык. В связи со сказанным лингвистические исследования в плане «Ossetica—Dagestanica» представляются весьма актуальными. Однако до сего времени исследования в этом аспекте не проводились, хотя подобные работы в аспекте связей осетинского языка с другими кавказскими имеют хорошие традиции, связанные с именами В. И. Абаева²⁸, Г. С. Ахвледиани²⁹ и др. Отметим здесь же и фундаментальное исследование М. К. Андроникашвили, в котором важное место занимает анализ лексики скифо-сарматского и алано-осетинского происхождения в грузинском языке³⁰. Лексика осетинского происхождения в картвельских языках была объектом исследования в работах Г. А. Климова³¹ и Г. В. Цулая³².

В дагестанских языках выявляется ряд лексических единиц алано-осетинского происхождения, причем среди них весьма важные в культурно-историческом плане термины: осет. *læg* 'человек', 'мужчина' — авар. анд., цезск., дарг., лакск. *laγ*, южнодагест. *lik* (*luk*) 'раб', ср. вейнах. *laj*; осет. *ændon* 'сталь' —

²⁷ См.: Р. М. Мунчайев. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана. Махачкала, 1954, стр. 27; В. А. Кузнецов. Аланы и раннесредневековый Дагестан. — «Материалы по археологии Дагестана», II. Махачкала, 1961, стр. 265—270; Оиже. Аланские племена Северного Кавказа. — «Материалы по археологии СССР», № 106. М., 1962 и др. работы.

²⁸ Абаев ОЯФ, стр. 109 сл.; Оиже. Осетино-вейнахские лексические параллели. — Изв. Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, I, 2. Грозный, 1959, стр. 89—119.

²⁹ Г. С. Ахвледиани. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960.

³⁰ М. К. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I. Тбилиси, 1966, стр. 40—141 (на груз. яз.).

³¹ Г. А. Климов. О лексике осетинского происхождения в сванском языке. — «Этимология». М., 1963, стр. 180—186.

³² Г. В. Цулая. О некоторых аланизмах в лексике мегрельского языка. — «Изв. Северо-Осетинского научно-исследовательского института», XXVII. Языкознание. Орджоникидзе, 1968, стр. 32—38.

дарг. *šandan*, лакск. *čannan* < *čandan*, авар. *čaran*, южнодагест. *hildan* (*huldan*); осет. *cævæg* ‘коса’ — лакск. *činikw* (в вицхин. диал. *čmik*); осет. *ræxys* (*ræxis*) ‘цепь’ — авар. *raxas*³³; осет. дигор. *nostæ* ‘невеста’ — авар *nus*, арчин. *nus-(ttur)*³⁴ и др.³⁵ Влияние, разумеется, было взаимным — и в осетинском могут иметься элементы дагестанского происхождения, например, Г. С. Ахвледиани предполагает, что геминация смычных в осетинском языке в определенных позициях объясняется влиянием дагестанских языков³⁶. Прослеживается в осетинском и воздействие адыгских языков: этому вопросу посвящена специальная работа Б. Х. Балкарова³⁷.

Отмеченные выше обстоятельства говорят о том, что факт заимствования дагестанскими языками важнейшего религиозного и культового термина из аланско-осетинского не является единичным и случайным. Он свидетельствует об интенсивных культурно-исторических и идеологических связях древних дагестанцев с предками современных осетин.

Появление данного слова в дагестанских языках мы предположительно связываем с проникновением в Дагестан христианства при посредстве алан в V—VI вв. н. э., когда христианство распространялось среди алан, а в западной Алании была даже основана греческая епископия³⁸.

Если данный термин проник в дагестанские языки еще задолго до появления христианства у алан, то это ставит целый ряд вопросов о взаимоотношении аланских и древнедагестанских религиозных воззрений. Однако древнедагестанская религия еще не стала объектом специального научного исследования, тогда как дохристианской религии алан посвящена специальная работа В. И. Абаева³⁹. Этот и подобные вопросы требуют своего надлежащего исследования, и можно сказать, что проблема «Ossetica—Dagestanica» является одной из важнейших задач как дагестановедения, так и осетиноведения. Она должна быть разработана на широком лингвистическом, археологическом, этнографическом, фольклорном и т. п. материале. Это поможет уяснению многих вопросов истории народов и языков Дагестана и Северного Кавказа.

³³ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 27.

³⁴ М. К. Андроникашвили. Указ. соч., стр. 101.

³⁵ В последнее время и в Дагестане наметился интерес к разработке такой проблематики. Ср. публикуемую в этом сборнике статью К. Ш. Микаилова «Еще несколько дагестанских аланизмов».

³⁶ Г. С. Ахвледиани. Указ. соч., стр. 173.

³⁷ Б. Х. Балкарин. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.

³⁸ А. Х. Магометов. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, стр. 10.

³⁹ В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. М., 1960.